

Евгений ЦЫПАНОВ, Иван ПЛОСКОВ (Сыктывкар)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ДРЕВНЕКОМИ ПИСЬМЕННОСТИ (К 620-ЛЕТИЮ КОМИ ПИСЬМА)

В 1992 году в Коми республике впервые широко отмечается юбилей коми письменности. На протяжении 620 лет коми язык развивается как письменный, сохраняет свое богатство в многочисленных памятниках. Круглый юбилей следовало бы отпраздновать в 1972 году, однако реакционное партийно-государственное руководство Коми АССР в условиях 70-х годов сочло такие торжества ненужными или даже вредными. Ныне эти действия объясняются тем, что якобы руководство ЦК КПСС не дало добро на проведение юбилейных мероприятий. Тем не менее, в этом факте отразилась официальная оценка создания письменности со стороны руководства Коми АССР, официальных идеологических органов, бывшего обкома КПСС. За весь 1972 год вышло лишь несколько информационных статей о Ст. Пермском в республиканских газетах, сотрудники Института языка, литературы и истории по собственной инициативе пропагандировали факт создания коми письма. Официальная позиция оставалась неизменной, основным доводом считалось то, что до революции коми письменности, как выразителя массовой культуры, не было (Беляев 1972 : 58).

К счастью, на смену этим временам пришли другие. За последние 4—5 лет в общественной жизни Коми республики произошли существенные изменения, возрос интерес к письменности XIV—XVII веков, личности Стефана, к историческому фону тех далеких событий. В газетных и журнальных статьях, передачах радио и телевидения освещались вопросы возникновения коми письменности, причем многие прежние взгляды и стереотипы пересматривались. В данной работе попытаемся систематизировать точки зрения на древнекоми письменность, отразившиеся в исторической, общественно-политической и лингвистической литературе.

Вначале кратко остановимся на фактологии. Создание Ст. Пермским письменности на коми языке было уникальным событием не только в истории Коми края, но и в средневековой истории России вообще. Уроженец г. Устюг, Стефан с детства знал коми язык и в молодости задался целью посвятить себя миссионерской деятельности среди пермян (мать его была дочерью купца-зырянина). Примером для подражания и духовными учителями ему служили Кирилл и Мефодий, творцы славянской азбуки. Будучи иноком в одном из монастырей Ростова, Стефан Храп в 1372 году создает пермскую азбуку из 24 букв по примеру греческой азбуки и переводит основные тексты для церковной службы. Именно эту дату, 1372 год, В. И. Лыткин считает временем создания коми письменности. В 1379 г., после благословения московских властей, Стефан с небольшой дружиной двинулся в земли, населенные предками коми-зырян, основал свою резиденцию в с. Емдін (Усть-Вымь) — центре летописной Перми Малой. Началась христианизация коми — возведение церквей, что сопровождалось интенсивной переводческой деятельностью и обучением священнослужителей коренной национальности. Таким образом, и коми школа, т. е. обучение на коми языке, берет свое начало в XIV веке. В 1383 г. Стефан стал пермским епископом, основал монастыри в селах Емдін и Вотча. В 1396 г. просветитель умер, но дело его продолжили ученики. В XV в. грамота пришла и к предкам коми-пермяков. Таким образом, древнекоми письмо объединило в середине века всех коми. Исторический

фон создания и развития древнекоми письменности освещен достаточно подробно в ряде работ, поэтому подробнее рассмотрим культурно-лингвистический аспект этого феномена.

В научной литературе широко употребляются два синонимичных термина древнекоми и древнепермская письменность, отражающие исторические реалии — язык летописных Перми Малой и Перми Великой, коми народа XIV—XVI веков. Данный факт свидетельствует о том, что коми-зырянские и коми-пермяцкие диалекты в то время почти не различались, о чем говорит и успешное применение письмен и проповедей Стефана и его учеников в Перми Великой. Таким образом, предки коми-пермяков издавна пользовались письменностью, и не было оснований считать этот язык бесписьменным до 1921 г., как это делалось в обобщающих работах, например, в монографии Х. Хаарманна (Haarman 1974 : 178), а также в ряде трудов общественно-политического характера, изданных в СССР.

Уже фактом создания письменности для малого тогда языческого народа Стефан Пермский поставил себя в число наиболее прогрессивных просветителей своего времени. Его обращение к опыту Кирилла и Мефодия оказалось весьма плодотворным: исследование графической системы и переведенных на коми язык текстов показали незаурядную языковую компетенцию Стефана. Это еще раз подтверждает, что просветитель, вероятно, владел коми языком как родным. Например, в лексическом отношении переводы изумительны, они сделаны с максимальным использованием богатств лексики разговорного коми языка того времени. Стефан (или его ученики-последователи) не механически переносил церковную терминологию со старославянского на коми язык, а передавал содержание терминов коми словами или создавал неологизмы, например, *быдкutyс* 'вседержитель', *отич* 'единосущный', *водзіиш* 'пророк', *отичужом* 'единородный'. По подсчетам Р. Бейкера, в сохранившихся текстах древнекоми письменности наличествует лишь 16 прямых славянских заимствований, из них половина — личные имена из древнееврейского и греческих языков, библейские понятия *серафим*, *херувим*, некоторые церковнославянские слова — *чась* 'чаша', *грек* 'грех', союзы *но*, *а* (Вагер 1983 : 91). Языкотворческая деятельность Стефана и его учеников может послужить образцом для современных переводчиков на коми язык, которые в своей практике зачастую грешат излишним употреблением русских заимствований.

Миссионерский путь Стефана Пермского вынуждены были пройти священнослужители при христианизации марийцев, удмуртов и других народов Поволжья в конце XVIII века. Приобщение этих народов к новой вере на русском языке в течение двух предыдущих столетий оказалось малорезультативным. Кстати, в XIX веке, когда церковные службы в Коми крае шли уже на старославянском языке, пришлось вспомнить деятельность первого коми просветителя — велась интенсивная переводческая работа уже на современный коми язык с использованием русской графики.

Дошедшие до нашего времени памятники стефановской письменности, написанные с использованием графики *абур*, представляют собой небольшой остаток существовавшего когда-то огромного письменного наследия. Сохранилось шесть видов памятников: списки азбук, приписка Кылдысева на книге Номоканон, запись на иконе Троица, запись на иконе «Сошествие святого духа», приписка от руки на книге Григория Санаита, подпись епископа Филофея Пермского, в которых насчитывается 236 слов связного текста. Есть также памятники, написанные на древнекоми языке кириллицей (около 600 слов связного текста). По летописным данным, в церквях и монастырях Коми края древнекоми письменность (тексты божественных служб, обучение коми грамоте, переписка книг) существовала по крайней мере в течение двух столетий. Но и позже традиция не затухала, несмотря на усилия официальных церковных властей перевести все богослужение на старославянский язык. Это уничтожение древней письменности и устной традиции вполне отвечало политике царских властей и церковного руководства, направленной на русификацию инородцев, в том числе и коми-зырян.

Нет возможности реферировать все источники исторического и лингвистического характера из-за их обилия. Подчеркнем лишь, что о деятельности Стефана и его

премников имеется обширная фактологическая и исследовательская литература, начиная с «Повести о Стефане Пермском» Елифания Премудрого и «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. С XIX века тема древнекоми письменности привлекала внимание ученых-лингвистов А. Шёгрена, И. А. Куратова, П. И. Савваитова и особенно Г. С. Лыткина, который достаточно полно опубликовал и прокомментировал тексты в известном труде «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» (1889). Древнекоми письмо продолжало жить в исторической памяти народа и было предметом национальной гордости коми интеллигенции. Например, первый коми поэт И. А. Куратов свои первые стихи писал стефановской азбукой *абур*. Особенно тщательно древнекоми письма изучались коми учеными XX века, с 1920-х годов эту тему усердно разрабатывали Д. Борисов (1928), А. С. Сидоров (1948; 1951—1952) и особенно В. И. Лыткин, чьи труды по истории языка опирались на углубленный анализ стефановских текстов (1952; 1957; 1972 и др.). Из зарубежных ученых древнекоми письменность всесторонне исследовали Гюнтер Стипа (Stipa 1960) и Робин Бейкер (Baker 1983). «Значение этих текстов для истории велико: лишь очень немногие из уральских языков представлены столь древними текстовыми памятниками» (Хайду 1985 : 60).

В общественно-политической жизни Коми республики древнекоми письмо оценивалось в разных источниках по-разному, что объясняется тенденцией официальных властей на протяжении почти 70 лет представлять дореволюционное развитие как нечто несущественное, а послереволюционное — как плоды деятельности советской власти и мудрой политики КПСС. В наши дни переоценок прежних взглядов на историю Коми края важно привести в систему и взгляды на древнекоми письменность. Во всем их многообразии можно выделить три основные позиции.

1. Отрицание создания коми письменности как исторического факта: до 1917 года коми письма не было вовсе. Точка зрения, nascitur конъюнктурная, повторялась во множестве научно-популярных работ экономистов, политработников, партийных деятелей. «До Великой Октябрьской социалистической революции коми народ не имел национальной школы, письменности, литературы и искусства» (Сюткин, Чукичев 1966 : 87), коми народ «не имел ни своей письменности, ни литературы» (Витязева 1959 : 8). Даже в последние годы многие утверждают то же, считая, что для широких масс коми письмо XIV—XVII веков знать не обязательно. Например, в вышедшем к 70-летию Октябрьской революции сборнике «Земля моя Коми» тогдашний первый секретарь Коми обкома КПСС постулирует: «Коми народ до революции не имел своей письменности, не имел книг» (Мельников 1977 : 266). Подчас авторы противоречили себе, например, Я. Н. Безносилов: «До Великой Октябрьской социалистической революции коми народ не имел национальной письменности и литературы. Единственными «памятниками» коми дореволюционной письменности, оставшимися нам в наследство, были несколько книг религиозного содержания и два фольклорных сборника» (1957 : 44). Это написал, кстати, историк. Вообще, подобные фальсификации не опровергались историками Коми АССР, хотя налицо было явно намеренное искажение фактов.

2. Признание факта существования древнекоми письменности, но при умалении роли ее в развитии культурных традиций и т. д. При этом особо подчеркивалась «узость» владения языком, недолгое якобы время пользования письменностью и т. п.: «Были первые попытки создания письменности в XIV в., Ст. Пермский выработал коми алфавит и перевел книги. Но и впоследствии это было забыто. Несмотря на отсутствие письменности, родной язык жил» (Игнатов 1946 : 58); «Первая попытка составления пермской (коми) азбуки была предпринята Стефаном Храпом (Пермским) в конце XIV века. Стефан Пермский сделал переводы молитв и отдельных частей церковно-служебных книг на зырянский язык. Эти переводы, как и «стефановская» азбука, предназначались для узкого круга людей—миссионеров. Азбука вскоре была забыта» (Безносилов 1968 : 36). Во многих газетных статьях и популярных сборниках прежних десятилетий муссировался тезис о том, что письменностью не пользовались широкие народные массы, не было школ, газет, журналов, книг и т. п., подчеркивалась мысль о прерывании затем письменной традиции у коми и ее возрождении на основе

уже русского алфавита. Опираясь на подобную позицию, освещается развитие и функционирование древнекоми письма и в работах филологического плана.

3. Объективная картина создания, развития стефановской письменности, к чести историков, в определенной мере присутствует в обобщающих исторических трудах (Ульянов 1932: 31—32; Очерки по истории Коми АССР 72—73; История Коми АССР 29). В них справедливо говорится о распространении грамотности среди коми в XIV—XVI веках, строительстве монастырей, центров коми письменной культуры. Другое дело, что до объективной общественно-политической оценки древнекоми письма в научно-популярных работах дело не доходило. Идеологизированная история одерживала победу, знания о письменности Ст. Пермского долгое время оставались как бы «вещью в себе».

В последние годы тема Стефана, исторические события, связанные с созданием коми письменной традиции, привлекли пристальное внимание филологов, краеведов, деятелей церкви, верующих. Общие положения, историческая канва событий и филологическая оценка письменных текстов содержатся в нашей статье реферативного характера (Цыпанов, Плосков 1988), ряд статей о Великом Зырянине (Ст. Пермском) подготовил известный в Коми русский писатель-краевед Л. Смоленцев (1990 и др.), о религиозном философе Г. П. Федорове и его оценке личности Стефана вышла статья в молодежной газете (1990), интересную и во многом отличающуюся от официально принятой исторической канвы версию жизни Стефана предложил в журнале «Войвыв кодзув» благовестник Коми евангельской церкви В. И. Попов (1991). В частности, он постулирует тезис о насильственной смерти Стефана от рук убийцы в Москве в 1396 г., а также о методическом уничтожении наследия просветителя в последующие столетия, предпринятом по инициативе церковных властей. В целом объективная оценка становится все более известной населению республики. Немного странно то, что профессиональные историки в этом благодарном деле выполняют роль пассивных наблюдателей.

С общественно-политической оценкой древнекоми письма тесно связана лингвистическая характеристика рассматриваемого явления. Несмотря на кажущуюся простоту, и здесь наблюдаются явно неадекватные подходы, обусловленные разными оценками наследия Стефана и его деятельности со стороны лингвистов. Четко выделяются две позиции. Причем при едином мнении о ценности текстов для истории коми языка подходы различаются в одном ключевом вопросе: следует ли считать древнекоми письменность (с точки зрения ее функционирования) литературным коми языком или нет?

Распространена точка зрения о том, что стефановские письма не имели большого функционального наполнения, например, Г. Г. Бараксанов резюмирует: «Хотя памятники древнекоми письменности имели единую диалектную основу (вычегодско-вымский диалект того времени), а также единую графическую и орфографическую системы, говорить о существовании в XIV в. коми литературного языка в широком его понимании нет достаточных оснований, поскольку сфера его использования распространялась только на церковь... широкие народные массы этой письменностью не пользовались» (1986: 5; а также 1964: 2). Сходную оценку дает П. Хайду: «К сожалению, древнепермская письменность все же не стала общим достоянием коми и не заложила основ литературного языка коми (хотя и могла бы стать пригодной для этого): сохраняя до самого конца церковный характер, она могла быть известна лишь ограниченной части носителей языка и вскоре была предана забвению» (1985: 60). Сразу же необходимо оспорить положение обоих авторов о недолговременности жизни древнекоми письма. На основании исторических источников известно, что при существовании епископства в с. Усть-Вымь древнекоми язык широко употреблялся в церкви, а это временной отрезок более столетия. Да и после перевода епископства в Вологду традиции, заложенные Стефаном, не утратились мгновенно. По свидетельству академика И. Лепехина, еще в середине XVIII века в монастыре с. Вотча на Сыsole монахи пели псалмы на пермском языке. Так что древнекоми письменность активно функционировала в несколько раз дольше, чем современный коми литературный язык.

Вторая точка зрения вполне допускает, что уже в XIV—XVII веках у коми сложился литературный язык, который впоследствии в силу известных причин вышел из употребления. Эту точку зрения убедительно постулировал А. С. Сидоров, написавший до сих пор не опубликованный обширный труд «Коми литературный язык эпохи раннего феодализма по памятникам письменности», хранящийся в архиве Коми национального центра Российской академии наук. Наиболее авторитетный исследователь текстов В. И. Лыткин делает подобный вывод (1969 : 302; 1980 : 16). Х. Хаарманн особо подчеркивает нормированность древнекоми письменности, которая свидетельствует в пользу литературного языка (Haarman 1974 : 179).

На наш взгляд, подобный взгляд на древнекоми литературный язык вполне обоснован фактически: налицо строгая нормированность древнепермских памятников: единая диалектная база, единые графические и орфографические нормы, развитая церковная терминология. Стефаном лично была организована четкая система преподавания древнепермской грамоты при монастырях, коми язык стал и языком обучения. Нет ничего удивительного в том, что коми грамотой владели в основном священнослужители. В средние века по всей Европе книжность развивалась в лоне церкви, даже в княжеских семьях грамотных было немного, письменная культура складывалась при церквях, монастырях, епископствах. Так было и в Коми крае в XIV—XVII веках. Естественно, отсутствовала широкая сеть школ (как и повсюду), но тем не менее в XIV—XV вв., по свидетельству Епифания, «всех же крещенных своих грамоте пермской учил» (Стефан). Церковь в период вхождения коми земель в состав Московского княжества выполняла и государственные функции, тем самым коми язык нес и идеологическую нагрузку, был языком обучения. По нашему мнению, умаление функционирования древнекоми письменности в большинстве исторических и лингвистических трудов не соответствует действительности. Все возможные в те времена общественные функции древнекоми литературный язык выполнял.

В целом общественная мысль все пристальнее вникает в реалии прошедших веков, осознавая истинное значение деятельности коми просветителя. Коми республика в большом долгу перед историей, в Сыктывкаре, к примеру, не найдешь теперь ни одного названия, связанного со Стефаном Пермским. Вполне закономерно поэтому предложение поставить памятник Стефану или установить соответствующую мемориальную плиту (Туркин 1990). Этот год воистину приобретает коми народ к своей истории, древней письменной культуре, закладывает основы для национального возрождения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бараксанов Г. Г. 1964, Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа, Москва (Канд. дисс.).
- 1986, История коми литературного языка и проблемы языковой нормы, Сыктывкар (Серия препринтов «Научные доклады» КНЦ УрО РАН, вып. 158).
- Безносиков Я. Н. 1957, Культурное строительство в Коми АССР, Сыктывкар.
- 1968, Культурная революция в Коми АССР, Москва.
- Беляев Г. 1972, Лоны пыр водзын. — «Войвыв кодзув», № 8, 55—60.
- Борисов Д. П. 1928, Развитие коми письменности. — «Коми му», № 9—10, 61—65; № 11, 44—47; № 12, 44—46; 1929, № 1, 29—33.
- Витязева В. А. 1959, Коми АССР, Сыктывкар.
- Игнатов С. А. 1946, Коми край, Сыктывкар.
- История Коми АССР, Сыктывкар, 1981.
- Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык, Москва.
- 1957, Историческая грамматика коми языка. Часть I, Сыктывкар.
- 1969, Коми-зырянский язык. — Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки, Москва, 302—351.
- 1972, Шестьсот лет коми письменности. — СФУ VIII, 291—295.
- 1980, Древние памятники коми письменности. — История коми литературы, т. 2, Сыктывкар, 10—21.
- Лыткин Г. С. 1889, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, Ст.-Петербург.

- Мельников В. И. 1987, В единой семье народов. — Земля моя Коми, Сыктывкар, 223—237.
- Очерки по истории Коми АССР, т. I, Сыктывкар 1955.
- Попов В. (Висер Вась) 1991, Стефан Пермский олан визь. — «Войвыв кодзув», № 4, 47—54; № 5, 3—6.
- Сидоров А. С. 1948, Коми письменность эпохи раннего феодализма. — Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук, вып. 2, Ленинград.
- 1951—1952, Коми литературный язык эпохи раннего феодализма по памятникам письменности, Сыктывкар (Архив КНЦ УрО РАН, ф. I, опись II, ед. хр. 164).
- Смоленцев Л. 1990, Стефан Пермский, Доді сійö вöли? — «Югьд туй», май 31 лун.
- Сюткин А. Ф., Чукичев М. П. 1966, Коми АССР, Краткий справочник, Сыктывкар.
- Туркин А. 1990, Колö казтылан пас. — «Югьд туй», июль 7 лун.
- Ульянов Н. И. 1932, Очерки истории народа коми, Москва—Ленинград.
- Фёдоров Г. П. 1990, Святитель Стефан Пермский. — «Молодежь Севера», 18 апреля.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Цыпанов Е., Плосков И. 1988, Коми гижан традицияс чужом да совмом. — «Войвыв кодзув», № 9, 42—46.
- Baker, R. 1983, Slavonic influence upon the language of the Old Permian texts. — FUF XLV, 82—106.
- Haarmann, H. (unter Mitarbeit von Anna-Liisa Värrri-Haarmann) 1974, Die finnisch-ugrischen Sprachen, soziologische und politische Aspekte ihrer Entwicklung, Hamburg.
- Stipa, G. 1960, Der Ursprung der permischen Schrift. — CIFU 1, 281—287.